

1943-й

31 ДЕКАБРЯ 1942 года я получил повестку в военкомат. Мне и моим товарищам, студентам Наманганского сельскохозяйственного техникума, было по 17 лет, и мы буквально осаждали военкомат просьбами отправить нас на фронт. А нам все обещали, обещали — и вот наконец долгожданная повестка. Совершенно не помню, как мы встречали Новый год. Но хорошо помню чувства, которые тогда испытывал, и они, такие разные, каким-то немислимым образом накладывались одно на другое: радость и страх, нет, скорее не страх, а ощущение далекой опасности. До сих пор не могу себе простить, что в ту последнюю ночь был не дома, с отцом и матерью. Затем, пытаясь загладить вину, старался писать с фронта родителям как можно чаще. Эти письма-треугольники мать сохранила, они до сих пор лежат аккуратно на полке.

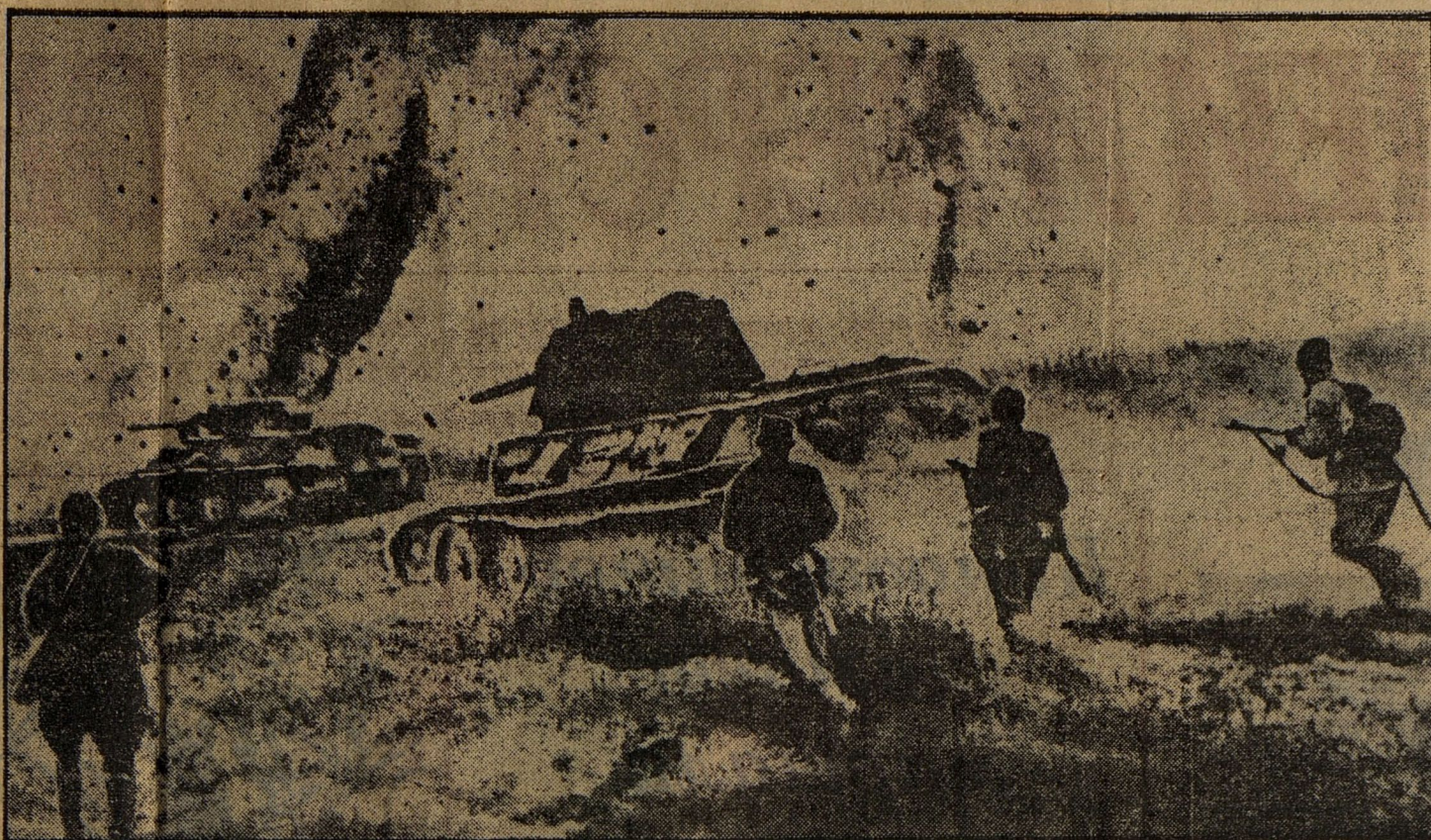
Утром следующего дня мы уже сидели в военкомате, а еще через несколько часов поезд умчал нас не на фронт, как мы надеялись, а в Фергану, куда эвакуировалось Харьковское артиллерийское училище. Первым делом нас, как положено, отправили в карантинный барак. С огромным любопытством мы смотрели, как на плацу маршируют батареи, как прокапывают орудия, как проходит стрельба. И замечательный паек в то голодное время — наваристые щи, мясо, хлеб — все это казалось сном, все возбуждало желание постичь как можно лучше нашу главную науку — артиллерию. Мы все, десять парней из Намангана, хорошо учились; через четыре с половиной месяца нас уже перевели в выпускной дивизион. Тогда мы еще не знали, что назревает Курская битва...

из гитлеровских военачальников. Но дело, естественно, не в болезни Манштейна. На Курской дуге фашистским полчищам была противопоставлена мощь нашей державы. Мы знали, что должны, обязаны победить в войне, которая не случайно была названа Великой Отечественной.

Курское сражение — одно из величайших в мировой истории. Но в этом я стал разбираться гораздо позже, подолгу работая в военных архивах. А для меня, тогдашнего младшего лейтенанта, каждый бой был самым важным — и под Новозыбковым, и под Новгород-Северским, и при форсировании Днепра, и под Веткой, и в Речице на вокзале. Каждый был, в сущности, Курской битвой.

КОМАНДИР батареи Аноприенко полулежал на разостланной шинели и негромко напевал «Натюшу». Он пел, но едва ли сам сознавал, что поет, — взгляд его был прикован к карте; он мысленно ходил по тем впадинам, рощицам и полянам, по которым не сегодня завтра придется ему вести батарею в наступление, спускался в окопы, где стояли вражеские минометы — он ведь был там, война началась его смотреть вперед...

Этот человек вначале не очень-то обрадовался, что в его распоряжение прислали мальчишину вроде меня, но делать было нечего, и он назначил меня командиром первого взвода, старшим на батарее. Михаил Григорьевич Аноприенко,

Танковая атака на Курской дуге

Монолог о Победе

Анатолий АНАНЬЕВ

НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ

ОНА НАЧАЛАСЬ на рассвете пятого июля. Наша 20-я отдельная Сталинградская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада формировалась в те дни в Коломне. 8 июля она погрузилась в эшелоны, а 12-го под легендарными Понирями вступила в схватку с вражескими танками. Мы, младшие лейтенанты, прибыли на Центральный фронт, когда бои уже были в самом разгаре. Мы все трое были на «А». Авраменко получил направление в 206-й полк, я и Александров в 1184-й, к подполковнику Эрстову. Мы ехали через лежащий в руинах Курск. Черные остоны сгоревшего вокзала, неподалеку — последние немецкие окопы. Мы стояли молча, никто не произносил клятв, но, думаю, мы уже тогда понимали, что именно от тех окопов начинался наш победный солдатский путь.

Я не вел дневников, потому что нам на переднем крае не разрешалось их вести, и еще потому, что не думал тогда, что стану писателем и мне со временем пригодится бесценный фронтовой материал. Я жил лишь минутой боя. Первым орудием у меня командовал во взводе старший сержант Приходченко, а заводчиком у него был двадцатилетний младший сержант Мальцев. Вторым орудием командовал старший сержант Лапин. Они были уже испытанными бойцами-сталинградцами. Хорошо помню: впереди нас простиралось полувыжженное, изрытое воронками гречинское поле и виднелась роща, из которой и выполняли немецкие танки. Теперь я знаю, что это была последняя отчаянная атака немцев, все еще надевавшихся провалиться к Курску. Она началась под вечер, танки сливались с черной землей, так что их невозможно было сосчитать. Собственно, и считать некогда было... Фашисты в тот вечер не прошли через оборону нашего полка. Атака их захлебнулась, как захлебнулась и вся операция «Цитадель» на курской земле.

Меня часто спрашивают о прототипах романа «Танки идут ромбом». И я называю фамилии своих однополчан: умного, решительного и смелого командира полка подполковника Эрстова, командира третьей батареи, в которой служил я, старшего лейтенанта Аноприенко (о нем я еще скажу подробнее), командира батареи, ныне генерала, Назарова, бывшего комбата, ныне полковника, Голикова, бывшего командира нашей бригады, полковника в отставке Копелева и многих других.

Говорят, что фельдмаршал Манштейн перед самой битвой удалил гланды, и это имело решающее значение при исходе сражения на Курской дуге. Во всяком случае, так утверждают мемуары одного

Героя Советского Союза, живет сейчас в Куйбышеве. Для нас в ту пору он был олицетворением воинской доблести: храбрый воин с черными густыми бакенбардами (как будто он вот только что пришел с Бородинского поля), еще в финскую войну командовавший артиллерийским взводом, стал для меня непреклонным авторитетом, а позже — и большим другом. Мы до сих пор с ним переписываемся. И только один раз Аноприенко, человек закаленный и в военном отношении очень грамотный, позволил себе рискованную лихость. Это было в Белоруссии, когда брали Мозырь — Калининский. Задаче было такое (для его выполнения Михаил Григорьевич взял меня с собой): следовало продвинуть орудие прямо в линию пехоты на танкоопасное направление. Траншея была полностью забита солдатами, нашими пехотинцами: пройти через нее — это все равно что умудриться пройти через плотную толпу в ГУМе. А двигаться нужно было очень быстро. И тогда вдруг Аноприенко выскочил на брусстер, на котором впереди — метров на 300 — немцы. Плащ-палатка развевалась, на голове не шапка-ушанка, а кубанка (такая мода была введена для лихости в нашей батарее; эти кубанки шили специальные портной). Что мне оставалось делать? Я тоже вскочил на брусстер. Так мы и шли. Этот эпизод вину и сейчас — до мельчайших подробностей. И когда я его вспоминаю, то всегда думаю о том, что существует в мире, как бы он порой ни был жесток, такое понятие, как красота поступка. Немцы, раскрыв рот от нашей дерзости, не сделали ни единого выстрела. Зато они подтянули орудия, и началась бой...

Об Аноприенко я написал в своей первой повести «Малый заслон». До сих пор помню и люблю моего фронтового учителя, с которым пришлось проглатывать нелегкие версты войны.

МЫ СЕЙЧАС много пишем и говорим об исторической памяти, о наших истоках, откуда мы все родом. Мне кажется очень важным в контексте таких размышлений и вопрос о русской воинской славе. Ведь русскому человеку, солдату начинающему с древних времен приходилось отражать нашествия врагов, оборонять родную землю. Наша слава воинская — это слава защитников Отечества. Мы в течение второй мировой войны отстаивали ту же землю, что наши предки, скажем, во время Куликовской битвы и Бородинского сражения. В тяжелую для страны годину мы особенно почувствовали связь со своими корнями. Не случайно, думаю, именно тогда началось и продолжается нынешнее небывалое рождение, массового, глобального интереса к истории Родины.

Трудно много лет спустя передать то волнующее чувство, которое испытывали мы, когда нам на плечи легли настоящие офицерские погоны. Это было в 1943 году: Указом Президиума Верховного Совета СССР для личного состава Советской Армии были введены погоны. Мы, как нико-

гда прежде, почувствовали себя причастными к русской воинской славе, к славе нашего оружия. И погоны, и введение орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, и особенно высшего военного ордена «Победа», а также ордена Славы — все работало на положительный исход войны в не меньшей степени (если иметь в виду духовный аспект), чем мужество и доблесть защитников Родины. Это было очень прозорливым делом и очень мощным стимулом к победе. И не случайно, думаю, эти ордена были введены именно в 1942—1943 годах. Ведь после Курской дуги инициатива была в руках нашей армии. Бои шли отчаянные, завершала их чрезвычайно сложная берлинская операция. Но наш победный путь продолжался, и ничто не могло ему помешать.

КАЖДЫЙ день на передовую приходили газеты. Не представляю, как это делалось, но они доставлялись даже в самые отдаленные уголки. Бои шли один за другим, так что читать особенно некогда было. Но тем не менее, когда печатались статьи Эрзенбурга, Шолохова, Толстого, стихи Симонова, Твардовского, эти газеты читались с интересом. Кстати, когда в 45-м году мне пришлось встретиться Эрзенбурга в Болгарии, я даже не знал, что он пишет книги. Для меня он был автором статей, которые нас зажигали, вдохновляли, звали в бой. Не потому, что там содержалась какая-то особая информация (для этого существовало Совинформбюро), а потому, что статьи эти были написаны поэтически ярко, образно, они несли живое слово, они были в высшей степени эмоциональными и поэтому действовали на нас чрезвычайно сильно.

Книг я тогда читал мало. Готовился стать математиком, больше изучал специальную литературу. Самой популярной книгой у нас на батарее был непонятно как попавший сюда огромный том — что-то вроде «Трех мушкетеров», только на китайском материале. Мы были молоды, жаждали подвигов, приключений, нас увлекало рыцарство, интриговал сюжет. Книжку эту, так нам тогда «угодишную», мы передавали из рук в руки, относились к ней чрезвычайно бережно, подолгу перечитывали, пересказывали, сочувствовали страданиям китайских рыцарей. Они во что бы то ни стало должны были найти скипетр с изумрудами, который выкрали у китайского императора коварные англичане. Не помню ни автора, ни названия книги, но до сих пор не расстаюсь с мыслью, что где-нибудь в библиотеке мне удастся ее разыскать и снова смогу погрузиться в этот удивительный, так вол-

новавший нас сорок с лишним лет назад мир.

По-настоящему начал читать только в госпитале в Иркутске, где я пролежал восемь месяцев. Приходили к нам школьники, приносили книги. Часто читали вслух, пересказывали длинные, запутанные сюжеты, а мы, раненные, с наслаждением слушали.

НЕСМОТЯ на многочисленные исследования, посвященные народному характеру, мне кажется, мы часто путаем два таких понятия: «народный характер» и «положительный герой». Я глубоко убежден, что первое из них — некая-либо стабильная субстанция, не нечто единое и неизменное во времени. Полагаю, что существует стержень, иными словами, основополагающие черты народного характера. А сама их реализация происходит только в прямой зависимости от социальных условий жизни. Вспомним традиционное мнение о русском мужике: сидит тихо день, год, сто лет, созерцает, смотрит на лес, затем берет в руки топор и идет крушить барские усадь-

бы. Так же было и во времена восстания Болотникова, Пугачева. Вершинное, на мой взгляд, проявление народного характера — Октябрь 1917 года. И вполне естественно, что он виден наиболее ярко в узловых, исторических, решающих моменты в жизни государства.

Для меня, теперь уже как для писателя, ясно, как проявлялся во время Великой Отечественной войны народный характер. Но заключался он в частных делах, в конкретных судьбах. Никогда не забуду, как принимали эвакуированных. Это было первое общенародное соучастие в войне. Я жил тогда в Средней Азии, к нам постоянно прибывали эшелоны эвакуированных. С ними делились и жильем, и хлебом, и вещами — словом, всем, что у нас было. И это было не только проявлением народного характера, но и подлинного интернационализма. А идти под пулями, под снарядами в атаку, и не одному человеку, а огромной массе людей тоже ведь не так легко. Но тогда за спиной была не просто родная земля, но сама многовековая история этой земли, и будущее стояло перед нами, тогда ничто не могло остановить бойцов — ни страх, ни боль, ни смерть. А в тылу? В чистом поле, в мороз, снег через три месяца вырастает завод и начинает выпускать танки.

Что это, как не проявление характера народа в определенных условиях жизни?

Так что, мне кажется, литература призвана стремиться к соответствию изображаемых писателем лиц народному характеру того или иного отрезка времени. Любой народ может иметь свои традиции, устои, взгляды, но он не может быть плохим. Насколько наш литературный герой приближен к общенародному характеру, настолько он положительный, насколько отдален — настолько отрицательный. Это то мерило, о котором почему-то никогда не говорит наша критика.

СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ наша военная литература изображению характера народа во время Великой Отечественной войны? Да, конечно, вполне соответствует. Хотя и здесь существуют, много говоря, «разночтения». В последнее время часто приходится слышать, что произведения, написанные по горячим следам событий, подлакированы, приблизительны, неглубоки и неаналитичны. Я бы эти упреки отменил, как горит, буквально с порога. Листая как-

то старые подшивки «Правды» и «Красной звезды», я обратил внимание на то, что только в январе 1943 года в газетах выступили со своими публицистическими статьями Н. Тихонов, Б. Полевой, Б. Гербаков, А. Фадеев, Вс. Вишневский, Л. Соколов, Евг. Долматовский, Н. Вирта, В. За-круткин, со стихами — С. Маршак, А. Безыменский, Н. Тихонов, А. Сурков, В. Инбер, Н. Асеев, Д. Бедный... Конечно, и эти постоянные авторы газет, как и М. Шолохов, И. Эрзенбург, К. Симонов, А. Твардовский, А. Толстой — разве они не могли глубоко проникнуть в психологический мир человека на войне? Разве они не могли постичь и ужас перед смертью, и героизм преодоления этого ужаса? Конечно же, могли. Все это было доступно их таланту и перу. Но они поняли, почувствовали требование времени, могли быть, зачастую и наступая на «горло собственной песни». Низкий поклон этим писателям за то, что они сумели объединить и поднять народ своим пламенным словом в едином патристическом порыве.

Но вот война кончилась, раны земли давно уже зарубцевались. Мы знаем, что в состоянии защитить нашу Победу. Теперь мы можем позволить себе пристальной, детальной рассмотреть то, что было и КАК было. И поэтому я считаю совершенно естественным и правомерным в нашей литературе явление «окопной правды». Правда, я знаю, что многим оно не нравится, иные даже называют его вредным, угрожающим масштабы изображаемого. Думаю, что это неверно. Мы сейчас снова вернулись к описанию войны, но на новом, новом витке. В нашем сегодняшнем арсенале все средства литературы — и тончайший психологизм, и ассоциативность, и внимание к мельчайшим деталям быта. Современному читателю нужны произведения, охватывающие и всю панораму войны в целом, и только ее один бой. Но главное, мне кажется, в том, что мы никогда не должны забывать, что это, наши огромные успехи военной литературы (я бы осмелился сказать, что именно здесь сегодня мы видим, продолжая мою мысль, наиболее приближенные образы литературных героев к народным характерам) были подготовлены горячими синоптичными выступлениями старших мастеров нашего фронтового писательского братства.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ механизм — человеческая память. Иногда в ней застревают нечто, что хотелось, может быть, забыть, да никак не получается. Часто четкая, как фотография, встает передо мной Курская дуга, уже послевоенная, мирная. По улицам идем мы, бывшие фронтовики. Мы уже давно немолды, но бодрее, веселее, на лацканах пиджаков блестят награды. Мы живы и идем по местам нашей боевой славы. Весь деревенский народ высыпал на улицы. Нас встречают хлебом-солью, нас угощают, нам здесь очень рады. Молча стоят только вдовы и матери, потерявшие своих сыновей. А за их спинами выгладывают фотографии в черных рамках. Они — наша совесть, наш укор. Это забыть невозможно...